

В белоснежной ванне, утопая в клубах пара, полулежал юноша. Его кожа, нежная, как нефрит, от жара приобрела соблазнительный алый оттенок. Он закрыл глаза, его губы напоминали лепестки, а обнаженное тело, открытое взору, казалось одновременно невинным и манящим.

Лу Ли на мгновение затаил дыхание, а затем протянул руки и вынул его из воды.

Се Цзяньвэй не шевелился, про себя думая: если Лу Дали сможет выдержать и на этот раз, то он окончательно сдастся.

На самом деле, как только Лу Ли заключил его в объятия, та тонкая, дрожащая струна, что звалась его рассудком, окончательно порвалась на восемнадцать частей.

Он даже не стал обтирать Се Цзяньвэя, сразу уложил его на кровать и склонился, впиваясь поцелуем в алые губы.

Это был поцелуй, полный долгого самообладания, глубокой жажды и зреющей, всесокрушающей любви.

И все же, даже в таком состоянии, Лу Ли действовал крайне осторожно, боясь потревожить спящего.

Се Цзяньвэй изначально планировал сделать вид, что проснулся, и загнать Лу Ли в угол, не оставив ему путей к отступлению.

Но сейчас сердце его дрогнуло.

На самом деле он давно догадывался, что на уме у Лу Ли. Тот так долго терпел лишь потому, что считал Се Цзяньвэя слишком юным: пусть его тело уже развито, разум все еще незрел.

Лу Ли мог с легкостью соблазнить этого безгранично доверяющего ему юношу, но не мог стереть гнетущее чувство вины.

Конечно... была и еще одна фатальная причина.

Даже задав Се Цзяньвэю атрибут яндере и наделив его болезненной одержимостью собой, в глубине души он все равно не верил, что тот может его полюбить.

Разве одержимость — это любовь?

Если бы на месте Лу Ли оказался доктор Чэнь, доктор Ли или доктор Ван, стал бы Се Цзяньвэй вести себя так же?

В конечном счете, доктор Лу не был единственным, он был лишь первым.

Просто потому, что Се Цзяньвэй встретил только доктора Лу.

Точно так же, как Се Цзяньвэй, затерянный на пустынной планете, встретил только Лу Ли.

Думая об этом, Се Цзяньвэй мог лишь вздыхать: какой же Лу Ли большой дурак.

Но ведь и он сам виноват — почему столько лет не замечал тревоги Лу Ли?

Бесспорно, на своем пути завоеваний Лу Ли обрел многое: власть, статус, поддержку воинов и любовь миллионов, но в конечном итоге он оставался собой.

Тем самым Лу Ли, который на пустынной планете, впервые изучая письма и узнав значение своего имени, разочарованно произнес: «Значит, меня так называли потому, что я заставил их разлучиться?»

Тогда Се Цзяньвэй ответил ему: «В древних книгах есть строфа: "Разлуки и встречи — в бесконечном движении, пестрая яркость — в движении вверх и вниз". Лу Ли означает яркие, переливающиеся цвета».

— Как солнце, осветившее мрачную жизнь Се Цзяньвэя.

Поцелуи Лу Ли были частыми и трепетными. Он целовал Се Цзяньвэя от изящного подбородка до плоского живота, а в конце взял в рот ту самую маленькую, гордую часть тела.

Се Цзяньвэй наслаждался своим притворством.

Жаль только, что после того, как он кончил, Лу Ли не продолжил, а словно внезапно очнулся и снова собрался бежать.

Се Цзяньвэй принял решение мгновенно и сонно пробормотал: — Доктор Лу...

Его и без того мягкий голос отголосками оргазма стал еще нежнее, словно тонкое перышко, коснувшееся самого сердца Лу Ли, отчего его и без того запутанные мысли окончательно спутались.

Лу Ли замер, но не ушел. Он перевернул Се Цзяньвэя и нашел короткое удовлетворение между его бедер.

Се Цзяньвэй донимал невыносимый зуд, но он приложил колоссальные усилия, чтобы не умолять его войти.

После всего Лу Ли снова искупал Се Цзяньвэй.

Когда он положил его обратно в постель, Се Цзяньвэй наконец «проснулся».

Лу Ли снова стал правильным и сдержанным доктором Лу.

Се Цзяньвэй радостно воскликнул: — Доктор Лу, вы не ушли!

Лу Ли ответил: — В следующий раз, когда будешь принимать ванну, следи, чтобы вода не была такой горячей. Твой организм этого не вынесет.

Се Цзяньвэй было не до того. Он схватил Лу Ли за руку и сказал: — Оставайтесь на ужин, пожалуйста?

Лу Ли ответил: — Это не совсем уместно.

Се Цзяньвэй снова расстроился: — Доктор Лу, почему вы не моя семья?

Лу Ли промолчал.

Се Цзяньвэй грустно добавил: — Как было бы хорошо, если бы вы были моей семьей. Я хочу быть с вами каждый день, никогда не расставаться.

Он произнес это с таким искренним и одновременно соблазнительным выражением лица.

Лу Ли не ответил, лишь его взгляд потемнел.

Се Цзяньвэй разжал его ладонь и, словно котенок, потерся о нее щекой, мягко прошептал: — Доктор Лу, я не хочу, чтобы вы уходили.

В голове у Лу Ли мгновенно всплыл образ возбужденного Се Цзяньвэй. Он глубоко вдохнул, выдернул руку и тихо сказал: — Мне пора.

Сказав это, он не дожидаясь ответа, поднялся и ушел.

Се Цзяньвэй не стал его удерживать, лишь слегка приподнял уголки губ: раз ушел сейчас, значит, скоро вернешься.

Едва Лу Ли вышел за ворота, как телефон издал звук.

Это был особый сигнал, установленный специально для Се Цзяньвэя, поэтому Лу Ли сразу понял, от кого сообщение.

Он достал телефон и, разблокировав его, увидел фотографию, присланную юношей.

Это было невероятно красивое селфи — даже без обработки оно было настолько хорошим, что Лу Ли не мог отвести глаз.

Се Цзяньвэй: Доктор Лу, доктор Лу, доктор Лу, вы придете завтра?

Лу Ли не ответил.

Спустя некоторое время Се Цзяньвэй прислал еще одну фотографию, на которой он был в одежде, и подпись: Красиво? Новая одежда.

Лу Ли подумал: Красиво, слишком красиво, настолько, что хочется ее снять.

И все же он не ответил.

Се Цзяньвэй же, словно найдя себе забаву, продолжал слать сообщения, в каждом из которых была фотография.

Иногда это были селфи, иногда — снимки других вещей, будто Лу Ли ушел, но все еще оставался рядом с ним.

За рулем Лу Ли не смотрел в телефон, но, припарковавшись, первым делом разблокировал экран.

Стоило ему взглянуть, как сердце пронзила острая боль.

На фото был стол с чересчур роскошным ужином, а внизу подпись Се Цзяньвэя: Так хочется поужинать вместе с доктором Лу.

Это был ужин Се Цзяньвэя.

Блестящая от жира фуа-гра, стейк из мраморной говядины с высоким содержанием жира, даже

напиток — концентрированное соевое молоко с высоким содержанием белка...

Такой ужин был бы слишком тяжелым даже для здорового человека, не говоря уже о слабом Се Цзяньвэе!

«Жди меня», — отправил Лу Ли сообщение, завел двигатель и вдавил педаль газа в пол. Скорость была подобна полету стрелы.

Се Цзяньвэй, глядя на два слова на экране, довольно откинулся на спинку кресла.

— Сказал же не уходить, все равно пришлось развернуться и вернуться.

Сунь Чандэ никак не ожидал, что Лу Ли внезапно вернется.

Так как он не мог тягаться с Лу Ли, днем он затаил злобу и теперь хотел воспользоваться случаем, чтобы проучить Се Цзяньвэя.

Разве его не мучила диарея всю ночь? Вот пусть и промучается еще одну — заодно кишечник почистит!

Но тут нагрянул Лу Ли.

Лицо Лу Ли напоминало иней, а голос был таким холодным, что у всех вокруг задрожали колени: — Это вы приготовили на ужин?

Сунь Чандэ понял, что виноват. По лбу его катился холодный пот, и он начал оправдываться: — Повар ошибся, подумал, что сегодня вернутся господин и госпожа, поэтому...

Даже дурак понял бы, что это нелепая отговорка, но Се Цзяньвэй не обращал на это внимания, его глаза были прикованы лишь к Лу Ли: — Доктор Лу, вы вернулись!

Лу Ли смотрел в его сияющие глаза, и сердце пронзала острая боль. Он спросил: — Ты ужинал?

Се Цзяньвэй ответил: — Нет, если поем, будет болеть живот.

Услышав это, Лу Ли почувствовал, как ярость ударила в голову: — Что ты ел вчера вечером?

Се Цзяньвэй ответил: — То же самое.

Глаза Лу Ли заволокло тьмой: — Всегда так?

Се Цзяньвэй почувствовал перемену в его настроении, наморщил нос и осторожно спросил: — Доктор Лу, вы злитесь?

Лу Ли, чей взгляд был абсолютно черным, бесстрастным тоном произвел: — Отвечай мне.

Се Цзяньвэй сказал: — Да, всегда так... — он улыбнулся и мягко добавил: — Только когда приходит доктор Лу, обед становится вкусным.

Лу Ли поджал тонкие губы и отчеканил: — Сунь. Чан. Дэ!

Сунь Чандэ понял, что ему конец. Полный конец!

Се Цзяньвэй моргнул и притворился, что ничего не понимает: — Доктор Лу, что случилось?

Лу Ли был в ярости, но все же нашел в себе силы успокоить его: — Ничего. Можешь подождать меня в комнате?

Се Цзяньвэй, решив, что он уходит, вцепился в его одежду, не желая отпускать.

Сердце Лу Ли горело от жалости, но он не стал устраивать сцену при нем, а лишь опустил взгляд и нежно сказал: — Будь послушным, иди в комнату. Сегодня я буду с тобой всю ночь.

Эти слова заставили Се Цзяньвэя просиять, он кивнул: — Договорились.

Лу Ли ответил: — Я никогда тебе не солгу.

Се Цзяньвэй был так счастлив, что его глаза светились, как звезды. Эта детская зависимость заставила Лу Ли почувствовать, будто его сердце разрезают на части.

Почему Се Цзяньвэй так зависит от него?

Почему Се Цзяньвэй так любит его?

Почему Се Цзяньвэй так хочет, чтобы он был рядом?

Это не просто эмоциональная нехватка, главная причина в том, что только когда Лу Ли рядом, его никто не обижает!

Но раньше Лу Ли об этом не задумывался.

Се Цзяньвэй вернулся в комнату, но он давно взломал систему видеонаблюдения дома, поэтому, открыв телефон, мог видеть, что происходит снаружи.

Лу Ли собирался наказать Сунь Чандэ, но явно не хотел, чтобы «невинный» Се Цзяньвэй видел это, поэтому и отослал его.

Сунь Чандэ от страха подкосились ноги. Вспомнив, кто такой Лу Ли, он понял, что потеря работы — это лишь цветочки.

Этот молодой господин из семьи Лу может легко сделать так, что ему негде будет укрыться!

Сунь Чандэ задрожал: — Доктор Лу, я не нарочно, я...

«БАХ!» — Лу Ли ударил его кулаком в лицо, выбив два передних зуба.

Сунь Чандэ в ужасе смотрел на него, не смея дать сдачи, лишь опустил голову: — Я знаю, что виноват, я больше не буду, я точно никогда не...

Лу Ли ударил его ногой в живот, да так сильно, что тот пролетел два-три метра и врезался в холодную стену.

Сунь Чандэ почувствовал, что у него сломался позвоночник. Он не ожидал, что у Лу Ли такая сила. Это ужасно, если так пойдет дальше, он может умереть!

Лу Ли же не чувствовал облегчения. Он думал об одиночестве Се Цзяньвэя, о несправедливости, которую терпел мальчик, о том, что он сам боится лишний раз коснуться его, чтобы не сломать, а другие так издеваются над ним. Ему хотелось убить их всех!

Сунь Чандэ, захлебываясь кровью, дрожал от страха.

Это же всесильный молодой господин семьи Лу. Если он действительно захочет кого-то уничтожить, у него нет никаких преград.

Но... стоит ли оно того?

Стоит ли ради Се Цзяньвэя...

Сунь Чандэ не смел развивать эту мысль, он лишь скулил и умолял о пощаде, даже начал кричать, чтобы его не убивали.

Лу Ли действительно остановился. Он посмотрел сверху вниз на Сунь Чандэ, уголки его губ

приподнялись, и наружу вырвалась мрачная, зловещая аура, совершенно не похожая на «доктора Лу»: — Конечно, я не убью тебя. В конце концов, у нас правовое государство.

Сунь Чандэ, услышав это, не почувствовал облегчения, а испугался еще сильнее.

Лу Ли поднял руку и внезапно перевернул весь стол с едой.

Сунь Чандэ оказался с ног до головы покрыт объедками.

Но Сунь Чандэ был настолько напуган, что даже не посмел увернуться.

И снова раздался голос Лу Ли: — Такие хорошие продукты, выбрасывать жалко. Придется господину Сунь съесть их все до последнего кусочка.

Как только он это произнес, он с силой наступил на дорожку стейк.

Сунь Чандэ вытаращил глаза: — Это...

Лу Ли сказал: — Не спеши. Здесь же есть камеры, верно? Я внимательно посмотрю, чем вы каждый день кормили молодого господина, а потом поблагодарю каждого из вас.

Последние слова он произнес мрачно, с глубокой ненавистью.

Сунь Чандэ поднял голову и посмотрел на Лу Ли, словно перед ним был совсем другой человек.

Это тот самый мягкий и учтивый доктор Лу? Тот самый, что улыбался как весенний ветерок? Тот самый, что был настолько прост, что никто не мог разглядеть его истинного происхождения?

Нет... это не он!

Кто же он такой?

Се Цзяньвэй вовремя выключил трансляцию на телефоне и, притворившись скучающим, начал рисовать на столе.

Когда Лу Ли вошел, он радостно вскочил: — Доктор Лу, вы сегодня правда не уходите?

Лицо Лу Ли потеплело, но в глазах все еще оставался холод, а голос был низким и хриплым: — С сегодняшнего дня я буду всегда рядом с тобой.

Се Цзяньвэй удивленно распахнул глаза: — Я... я не ослышался?

Лу Ли заключил его в объятия, крепко сжимая талию, и прижался подбородком к его мягким волосам: — Не бойся, больше никто не посмеет тебя обидеть.

Се Цзяньвэй обнял его в ответ и тревожно произнес: — ...Надеюсь, это не сон.

Сердце Лу Ли растаяло, он лишь крепче прижал его к себе.

В ту ночь Се Цзяньвэй спал в объятиях Лу Ли.

Проснувшись и увидев пустую кровать, он тихо позвал: — Доктор Лу?

На самом деле Се Цзяньвэю достаточно было открыть телефон, чтобы увидеть, где Лу Ли.

Конечно, ему и смотреть не нужно было, он смутно догадывался.

Вскоре Лу Ли вошел в комнату и, увидев его растерянным, сидящим на кровати, снова почувствовал укол жалости: — Вставай, будем завтракать.

Се Цзяньвэй не ел вчера вечером, так как Лу Ли прописал ему ночное голодание: после расстройства желудка лучше дать ему отдохнуть, чтобы облегчить нагрузку.

Конечно, Се Цзяньвэй и не чувствовал голода, ведь ему ставили капельницы с питательными веществами.

Но теперь, утром, живот уже урчал от голода.

А когда он вспомнил, что Лу Ли готовит лично, то проголодался еще сильнее.

Его Лу Ли был диким ребенком с пустынной планеты, и тяжелое детство сделало его невероятно самостоятельным. О кулинарных талантах и говорить нечего — даже военный стратег Се Цзяньвэй, перепробовавший все деликатесы мира, не мог не восхищаться его мастерством.

Когда они годами вели войны, питание в армии было ужасным. Се Цзяньвэй не был привередлив, но Лу Ли при любой возможности готовил ему что-то особенное.

Каждый раз, пробуя еду Лу Ли, Се Цзяньвэй чувствовал, что нашел клад, настоящее сокровище.

Жаль, что после того, как войны закончились и Лу Ли стал маршалом, он был так занят, что, кажется, больше не заходил на кухню.

Конечно, тогда Се Цзяньвэй был окружен роскошью, все лучшее было у него под рукой, и не было смысла горевать из-за пары порций еды.

Но Се Цзяньвэй все равно скучал.

Скучал по тому прекрасному вкусу, а еще больше — по сосредоточенности Лу Ли, когда тот с полной отдачей делал что-то ради него.

Раз в реальности нельзя попробовать, то хотя бы во сне — Се Цзяньвэй был счастлив.

Лу Ли действительно приготовил завтрак сам: изысканный, с идеально подобранным составом.

Се Цзяньвэй просиял: — Выглядит очень аппетитно.

Лу Ли сказал: — Если нравится, теперь будет каждый день.

Се Цзяньвэй откусил кусочек пухлого и аппетитного пирожка с начинкой, пребывая в отличном настроении: — Никогда не ел ничего вкуснее.

Лу Ли слегка нахмурился и тихо сказал: — Есть еще много вкусного.

— Мгм! — Се Цзяньвэй был очень доволен развитием событий.

Стоило ему дать лишь небольшую подсказку, как Лу Ли тут же шел по следу и докапывался до всего, что происходило с «Се Цзяньвэем» последние десять с лишним лет.

Безразличие отца и матери, тирания слуг в доме — привыкший к такой жизни наивный юноша даже не замечал ничего странного.

Постоянно подвергаясь буллингу, холодности и жестокости, он не мог восстановиться, был лишен права на образование, оторван от общества и превратился в беспомощного, психологически травмированного бедолагу.

Чем больше Лу Ли узнавал, тем больше злился. Он злился не только на этих мерзких слуг, но и на родителей Се Цзяньвэя.

Родили, но не воспитали — такие родители хуже, чем их отсутствие!

Лу Ли понимал: даже если он расскажет им о поступках Сунь Чандэ, вряд ли их это сильно заденет.

В конце концов, сын уже сломлен, а они живут как чужие люди, у каждого своя семья, кто будет заботиться о «балласте», рожденном в несчастном браке?

Они накажут Сунь Чандэ, наймут новую прислугу, но какой в этом толк? Уйдет один Сунь Чандэ, придут другие.

Без родительского внимания Се Цзяньвэй не мог защитить себя.

Поэтому Лу Ли не стал рассказывать родителям, он даже не выгнал Сунь Чандэ и остальных. Конечно, он не позволил им больше прислуживать — они совершили столько гадостей, почти разрушив жизнь юноши, и он заставит их искупать вину до конца своих дней.

Жизнь Се Цзяньвэя за минуту превратилась из ада в рай.

В огромном особняке остались только он и Лу Ли.

Лу Ли делал все лично — еда, одежда, жилье, передвижение, учеба, развлечения, они даже спали вместе.

Се Цзяньвэй, естественно, привязался к нему еще сильнее и уже не мог без него жить.

Такая идиллия продолжалась около года.

Через год «не желающий сидеть на месте» товарищ Лу Ли снова решил добавить драмы.

Наступила ранняя весна, во дворе расцвела сакура — повсюду, белая и розовая, словно упавшие с небес облака, мягкая, пушистая и очень милая.

В реальной жизни Се Цзяньвэя во дворе тоже росли вишневые деревья. Все думали, что военный стратег — романтик, любящий красоту сакуры, но на самом деле он был практичным человеком и ждал сладкой вишни. Глядя на лепестки, он думал лишь о прозрачных ягодах. Испечь вишневый пирог, поставить вишневую наливку — вот это было счастье.

Стратег витал в облаках, когда открылись ворота.

Се Цзяньвэй увидел вдалеке высокую фигуру и удивился: почему сегодня вернулся так рано?

Он настроился и бросился к «Лу Ли» с крепкими объятиями.

Но стоило ему обнять его, как он сразу почувствовал неладное.

Он хотел вырваться, но у того была железная хватка, он не выпускал его из рук.

Се Цзяньвэй: «...» Вы можете не поверить, но у стратега есть сотня способов уложить этого «наглеца» на лопатки.

«Наглец» хихикнул, в его голосе было полно насмешки: — Какой ароматный маленький красавчик, неужели мой непутевый брат прятал здесь такую жемчужину?

Се Цзяньвэй недовольно нахмурился, уровень ярости продолжал расти...

«Наглец» оказался понятливым, обняв его, он отпустил его, и с лицом, точно таким же, как у Лу Ли, улыбнулся нахально: — Не злись, я брат Лу Ли, Лу Янь.

Се Цзяньвэй оглядел его, и сердце у него екнуло.

Кто это такой?

Лу Янь?

Разве это не псевдоним, который раньше использовал Лу Ли?

<http://bllate.org/book/21280/2156619>